

ЭНДИ КВОРРИ

Когда мама умерла...

12+

Энди Кворри

Когда мама умерла...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68312998

SelfPub; 2022

Аннотация

Если подросток находится в трудной жизненной ситуации, может ли ситуация внезапно стать ещё труднее? А как быть, если скоростижно умирает твой самых родной человек, – который притом близким тебе никогда и не был-то? Выяснить всё это выпало Алине, девочке двенадцати лет.

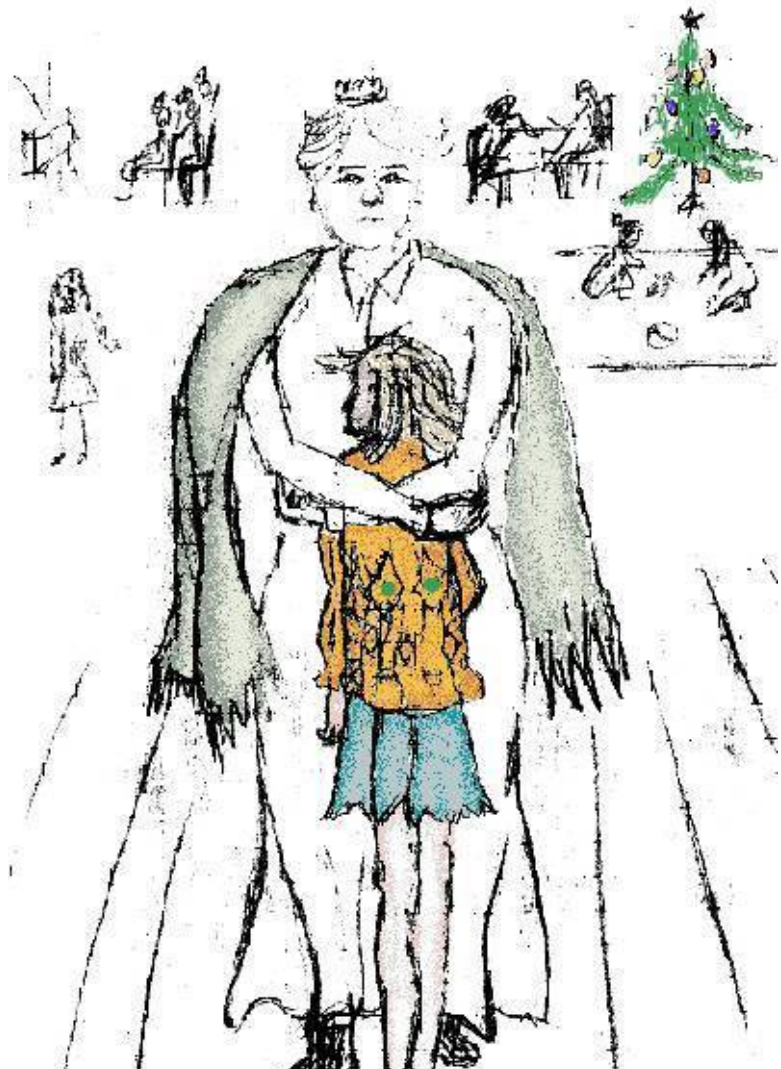
Энди Кворри

Когда мама умерла...

(Рассказ¹)

О том, что мама умерла, Алька узнала неожиданно: известие пришло прямо в новогодние праздники. Анна Константиновна, воспитательница приюта, подошла к Альке третьего января с настороженным и сочувствующим выражением глаз и плотно поджатыми губами. Алька в это время была в общем зале детского приюта: ей уже надоела вся эта предновогодняя и новогодняя кутерьма, и она стояла у окна, облокотившись на подоконник, и листала книжки. Анна Константиновна прижала Альку к пушистой шерстяной кофте, обволакивавшей большой и мягкий живот Анны Константиновны, и некоторое время так молча стояла, обхватив Алькину спину накрест сложенными руками.

¹ Рассказ был написан за одну ночь и далее практически не правился. Хотя он основан на реальных событиях, все образы являются собирательными.

Анна Константиновна продолжала молчать, прижимая Альку к себе.

– Вы чего? – удивилась Алька. Анна Константиновна всегда была добра и ласкова с ребятами, однако на этот раз в действиях Анны Константиновны было что-то не так, и Алька насторожилась.

– Ну чего Вы, Анна Константиновна? – не выдерживая более молчания, Алька завертелась в руках воспитательницы. Освободившись от объятий, Алька взглянула в лицо Анны Константиновны и с удивлением увидела, что глаза у Анны Константиновны наполнены влагой, уже готовой скатиться по её щекам.

– Что с Вами, Анна Константиновна? Ну что же случилось, говорите же! – забеспокоилась Алька.

– Аличка, – тихим, немного дрожащим голосом начала воспитательница, – ты только не волнуйся очень сильно. Оно ничего, оно у всех так бывает...

Она замолчала на мгновение, вздохнула, посмотрела куда-то сквозь Альку, и затем продолжила говорить уже более спокойно, глядя куда-то немного поверх Алькиной головы:

– Аличка, сегодня в приют пришла телеграмма, которая нас всех очень расстроила, поскольку в этой телеграмме сообщаются очень печальные новости.

Анна Константиновна снова умолкла и настороженно взглянула на Альку. Та стояла, несколько пригнув голову,

и исподлобья сердитыми колкими глазками в упор смотрела в лицо Анны Константиновны; её маленькие плечики, на которых продолжали лежать ладони воспитательницы, часто поднимались и опускались, показывая Алькино дыхание.

– В общем, Алина, телеграмма пришла из твоего родного поселка, от соседей по дому, – приглушенным низким и как будто чужим голосом продолжила Анна Константиновна. – В ней сказано, что твоя мама умерла.

Анна Константиновна умолкла и снова взглянула Альке в лицо. Там ничего не изменилось.

– Мы уже позвонили соседям твоей мамы... Её обнаружили случайно: зашли было поздравить её с Новым годом, и вот... Отчего она умерла, еще неизвестно, поскольку сейчас праздники, и у врачей тоже... Да, это уже и не очень важно... Так у всех бывает, Аличка, – снова повторила Анна Константиновна, – ты очень сильно не переживай... хотя оно, конечно же, будет больно... всегда больно... потому что мама...

Алька теперь смотрела на воспитательницу большими удивленными глазами и молчала. Затем она вдруг громким и дурашливым голосом крикнула:

– ПОД НОВЫЙ ГОД?! И УМЕРЛА?! Ха!!! – И Алька дико и искусственно расхохоталась, освободившись полностью от объятий Анны Константиновны, согнувшись пополам и обхватив свой живот руками. – Оооой, не могу... хахахаха!!! Умерла на Новый год! Ну, надо же... ой, хахаха!!

Внезапно она умолкла столь же неожиданно, как и расхохоталась, и Анна Константиновна увидела Альку, стоящую прямо перед ней с опущенными плечиками, округленными вниз уголками губ, с каким-то сразу вдруг осунувшимся растерянным и безжизненным личиком, остекленевшим взглядом.

– Аличка, миленькая, ну не надо так, иди ко мне, дай я тебя обниму, малыш... – Анна Константиновна сделала шаг к Альке и протянула свои руки, чтобы снова прижать Альку к себе.

Алька, почти как солдат, резко развернулась вокруг себя и твердой решительной походкой пошла прочь в темноту коридора.

– Не надо, не ходите за мною, – сказала она, не оборачивая головы, твёрдым, с жёсткими металлическими нотками, ГОЛОСОМ.

Анна Константиновна осталась стоять, поджав губы и провожая Альку пытливым взглядом.

Весь остаток дня Альку больше никто не беспокоил: воспитатели решили дать Альке возможность спокойно побыть наедине с её чувствами; остальные дети были предупреждены и, притихшие, настороженно возились с игрушками по углам общего зала.

Алина тихонечко просидела до самой ночи одна, забившись в свой любимый «укромный уголок», как его прозвали воспитатели, – маленькую нишу в конце коридора, почти возле самого входа, в которой стояла тумба с обувным кремом и щетками. Её не стали звать даже к ужину, справедливо решив, что она сама придет, если захочет.

Алька частенько засиживалась здесь, в одиночестве играя с каким-нибудь пупсом или вспоминая разные интересные истории из своей жизни. Иногда она принималась мечтать о том, какая она вырастет и кем станет, когда будет взрослой. Однако сейчас она просто сидела на тумбе, поджав ноги, обхватив колени руками, опёршись спиной на левую стенку и упершись кончиками пальцев ног в противоположную, правую стенку ниши.

Плакать ей не хотелось, однако в душе она чувствовала

какую-то странную пустоту и отрешённость от всего вокруг. Звуки игрового зала, возня, голоса ребят и воспитателей казались ей какими-то «уплощенными», словно бы они доносились из динамика их старенького радиоприемника. В голове у Альки тихо, словно на цыпочках, расхаживали разные мысли, как будто бы они теперь жили в алькииной голове сами по себе, и Алька лишь могла теперь за ними спокойно наблюдать, но никак не могла больше влиять на их ход.

«Ма-ма-у-мер-ла... Хм, странно. Разве мамы умирают?» – удивился кто-то в Алькиной голове.

«Да, ну... Нет, конечно же! – ответил первому кто-то другой. – Это просто так говорится...», – и Алька догадалась, почувствовала инстинктивно, как этот другой многозначительно подмигнул первому...

Вообще, Алька уже давно с мамой не жила. Ну, то есть Алька вроде как и вовсе никогда не жила со своей мамой. Так уж получилось. Родившаяся в мае 1993 года, Алина оказалась принадлежавшей тому поколению, которое в течение всего своего детства свою страну помнило лишь как страну торжествующей разрухи. Сколько их, таких «алин» по стране тогда ютились, где кому придётся, неприкаянными? Сначала Алька, сколько она себя помнит, жила со своей бабуш-

кой Ньюрой. В том же поселке, что и мама, но на другой улице. Затем, когда бабушка заболела, и её положили в больницу, Альку отправили в город, в областной центр, и оставили жить в приюте для детей. Точнее, Альке предложили было пожить с мамой, но Алька отказалась: хватит, не надо, уже как-то раз пожила – больше не хочу.

Бабушка всегда говорила Альке, что Алькина мама хорошая, но просто очень добрая и мягкохарактерная, вот её и используют все кому не лень: кому выпить хочется или ещё чего... Алька пропускала обычно эти бабушкины замечания мимо ушей. А своего папу Алька не видела никогда.

Алькина бабушка где-то через месяц умерла. Альке тогда было девять лет. И вот уже почти два года прошло с тех пор, как Алька так и осталась жить здесь, в приюте, вместе с другими ребятами и вместе с воспитателями. И теперь вот... эта дурацкая телеграмма.

Алька насупилась.

«Ну, что мне за дело до того? Ну, умерла, так умерла...» – пронеслось в её голове, и тут же предательский комок подступил к её горлу. Алька уткнулась бровями себе в коленки и разрыдалась, то тихо и жалобно поскуливая, то вдруг всхрюкивая поросёнком... Через некоторое время Алька успокоилась. От этих внезапных слёз почему-то облегчения не наступило, и где-то внутри кто-то упорно и настойчиво продолжал скрести ноготками по внутренней стороне грудины; в животе по кишкам словно бы сновали туда-сюда сотни му-

равъёв, слегка кружилась голова, и Алька чувствовала, что от этого всего её подташнивает.

– Аличка, уже ночь, и все ребята давно уже улеглись по кроватям и уснули, – услышала она невдалеке от себя заботливый голос Татьяны Николаевны, второй воспитательницы, дежурившей сегодня в приюте вместе с Анной Константиновной. – Пойдём спатки, малыш, пойдём... Утро вечера мудренее...

Алька молча и покорно спустила ноги с тумбы, встала и понуро поплелась мимо Татьяны Николаевны в общий зал. Татьяна Николаевна пошла следом, несколько держась поодаль, так, словно бы она боялась как-либо Альку задеть. У входа в зал, прислонившись плечом к косяку, стояла Анна Константиновна.

– Кушать будешь? – спросила она Альку.

– Нет, спасибо, – прозвучал в ответ Алькин басок, словно бы Алька была простужена, и у неё опухло горло. – Меня тошнит. Я пойду спать.

И Алина ушла в спальню.

Утро следующего дня оказалось ясным и солнечным. Через окно солнечный свет толстыми лучами пронизывал спальню. Было слышно, как за окном по подоконнику стучат

капельки воды, падающие с подтаявших на солнце сосулек, а во дворе радостно чирикают воробьи.

Дети, разбуженные воспитателями, деловито потягиваясь, одевались и заправляли свои постели. Все вроде бы происходило так, как обычно. Только вот вели девочки себя несколько более тихо, и вообще как будто бы они старались Альку не замечать, ну, то есть не трогать, лишь время от времени бросая на неё настороженные и вопросительные взгляды.

Альке было безразлично. Вообще-то она с остальными девчонками нормально сдружилась за эти уже почти два года, которые прожила в приюте. Но сейчас ей почему-то было всё безразлично.

Позавтракали.

После завтрака к Альке подошла Настя, девочка Алькиного возраста, но выглядывшая несколько старше Альки. Алька и Настя считались подругами, и Настя как бы даже опекала Алину.

– Поможешь мне? – спросила Настя у Альки. – Я тут кое-что придумала смастерить. Вместе удобнее будет. Поможешь?

– Пойдём... – ответила Алина и глубоко вздохнула.

Девочки подошли к столику, на котором уже были разложены нитки, клей, ножницы, кусочки ткани, блёски и прочая мелочёвка.

– У меня ведь тоже мама умерла... – сказала Настя, – и папа тоже...

Алька удивлённо посмотрела на Настю. Настя никогда прежде не рассказывала о своих родителях. А Алька не спрашивала её. Как-то просто повода не было.

– Они погибли в автокатастрофе, – продолжала Настя, отвечая на Алькин взгляд. – Вот я и живу здесь, в приюте... Давай, бери иголку, вдевай в неё зеленую нитку – будешь пришивать рукава к платью для куклы. Вот, видишь, я уже перед и спинку кофточки сшила, осталось пришить рукава, ворот и юбку. Правда, красиво получается? Ещё блёсками затем украсим.

Алина молча кивнула головой в знак согласия. Настя, обычно спокойная и рассудительная, нравилась Алине. Алька уселась за столик, Настя тоже села за столик справа от Альки, и девочки принялись за работу.

– Ты понимаешь, Алина, – продолжила Настя, – родителей всегда терять больно и обидно, неважно, сколько тебе исполнилось уже лет. Я тогда была ещё совсем маленькой, мне только пять лет было, когда мои родители разбились на машине. Потом я жила у бабушки с дедушкой, потом дедушка умер, а бабушка стала часто болеть, – вот и отдали меня сюда. Когда-нибудь умрёт и она. Я люблю свою бабушку, она очень добрая у меня. Только вот совсем слабенькой стала в последнее время. За ней сейчас соседка присматривает. И я, когда меня отпускают домой на побывку...

Алина молчала и слушала, сосредоточенно соединяя в трубочку края кусочка изумрудного цвета бархатной ткани,

которая обещала превратиться в правый рукав кукольного платяца.

– Ты это... В общем, привыкнешь постепенно, что мамы уже нет, – сказала Настя.

– Мне-то что?! – ответила Алька. – Я свою маму все равно не знала почти и не видела почти никогда. Ну, жила себе она там где-то, ну и фиг... А я жила с бабушкой. Бабушка, конечно, рассказывала мне, какая у меня мать хорошая да несчастная... Как-то, когда мне исполнилось семь лет, перед школой, меня бабушка отправила пожить к матери, думала, что мы сживёмся... Да уж лучше бы она этого не делала.

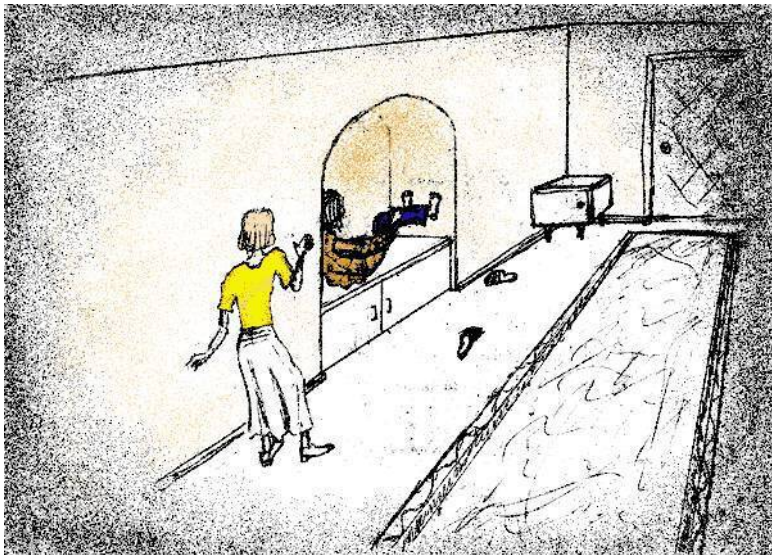
– А чего так? – удивилась Настя.

– Дура она потому что, – пробасила Алька, надув губки и пригнув голову. – Пьёт. Пила.

– Понятно, – сказала Настя. – Только ведь всё равно больно теперь, так ведь?

– Фигня!

– Алина, я же вчера подходила к тебе туда, в твой «укромный уголок». Только ты меня не заметила. Ты там долго сидела... А я долго стояла рядом. Потом я ушла, чтобы не мешать тебе...

Алька покраснела, засопела, её щеки набрякли и стали похожи на спелые помидорки, а на кончике носа возникла предательская капелька бесцветной жидкости. Алька молчала, упорно втыкая иголку стежок за стежком в края будущего рукава.

– Маму терять всегда больно, – сказала Настя. – Это потому, что мама – она всегда одна единственная, какая бы она ни была. Но потом, когда мама уже умерла, она все равно остаётся, остаётся рядом с тобою... Всегда... Мне так бабушка рассказывала. А ещё рядом с тобой остаются твои друзья, Алька.

Алька подняла голову, оторвавшись от шитья, и посмотрела Насте прямо в лицо. Насте было видно, что краска уже ушла с Алькиных щёк, но на шее ещё оставались небольшие ярко-красные пятнышки. Губы у Альки были поджаты и образовывали почти прямую линию с немного опущенными закруглёнными краями. Алька снова глубоко вздохнула – и как-то сразу в один миг вся расслабилась: опустила себе на колени руки с шитьем, вытянула вверх шею, слегка наклонила свою голову макушкой вправо, в сторону, где сидела Настя, и даже как будто бы слегка улыбнулась.

– Спасибо тебе, Настя...

К ним подошла Анна Константиновна.

– Ну что, девочки, как дела, чем занимаетесь? Ой, какие молодцы, какое красивое платьице у Вас получается! Ну, вы просто настоящие мастерицы! – затараторила она полушутливым тоном.

– Да вот, тетя Аня, такие вот мы! – в тон ей ответила Настя и довольно заулыбалась.

– Анна Константиновна, а у Вас мама ещё живая? – робким голосом спросила Алька, уставив свой взгляд на узор юбки, облегающей колени воспитательницы.

– Нет, Аличка, нет... – с пониманием в голосе отозвалась Анна Константиновна, – К моему сожалению, моя мама уже умерла... Тяжело умирала, долго... У неё рак был, болезнь такая...

– А Вы с нею вместе жили?

– Да, Аличка. – Анна Константиновна положила свою ладонь Альке на голову, затем провела ладонью по затылку, по шее, и оставила свою руку лежать на Алькином плечике. – И выросла я с мамой вместе. И потом ещё долго жили вместе. И с мамой, и с папой, и с мужем моим. Да ещё у нас затем и Антошка родился. Это уж затем нам другую квартиру дали...

Алька помолчала немного, словно собираясь с мыслями, а затем снова спросила:

– А Вам было **ОЧЕНЬ** больно?

Анна Константиновна поняла, о чём это Алька спрашивает:

– Да, Аличка... Маму терять всегда очень больно. Мне затем ещё долго казалось, словно бы мама ещё живая, просто куда-то уехала на время, и вот-вот возвратится снова... Снилось она мне часто. Затем уж потихонечку помаленечку я привыкла к тому, что мамы больше нет.

– Как это нет? – удивилась Алька. – А вот Настина бабушка говорила, что мама навсегда остаётся всегда рядом... – и Алина взглянула на Настю, словно ища у неё своим словам поддержку.

Анна Константиновна грустно улыбнулась и ответила:

– Остаётся, конечно же... Остаётся рядом... Навсегда.

– Ладно, девочки, я пошла, там меня ещё дела ждут... – засуетилась Анна Константиновна. – Покажете мне потом, какое платье у вас получилось? Аличка... ты, как освобо-

дишься, подойди потом, пожалуйста, ко мне. Нам следует с тобой обсудить кое-что...

И Анна Константиновна, обойдя вокруг столика с тем, чтобы потрепать обеих девочек по головам, снова улыбнулась и ушла.

– А еще остаются друзья, – сказала Алька. Ей в тон Настя подтвердила:

– Навсегда.

И девочки через стол крепко обняли друг друга за шеи.

Когда Алина, освободившись от дел, нашла Анну Константиновну, воспитательница сказала:

– Аличка, мы тут между собою посоветовались: с Татьяной Николаевной, с заведующей, с методистом, – и вот что решили... Тебе, наверное, не стоит сейчас ехать на похороны... Холодно сейчас, ещё простудишься вдруг... Как ты думаешь? А летом кто-нибудь из нас с тобою вместе обязательно съездит – попрощаешься с мамой.

Алька молча кивнула головой: наверное, так действительно будет лучше.

Летом, когда провожали Алину и Анну Константиновну в поездку, вся ребятня высыпала во двор провожать их: кто помогал нести сумку до ворот, кто просто сновал туда-сюда.

– Да, что вы разбегались, девчонки, – усмехалась Анна Константиновна, – не в Америку ведь уезжаем, а вот тут совсем недалеко в область.

Уже отойдя метров на тридцать за ворота приюта, Алька услышала за своей спиной издали Настин голос:

– Алькааааа!!! Мы тебя ждёммммм!!! Всё будет хорошо!

И затем общий хор детских голосов подхватил и разнёс по округе эти слова:

– Мы тебя ждёммммм!!! Уууу!.. Алька, мы ждём тебя!

Остановившись, поставив свою сумку на дорогу, Алька обернулась и помахала всем рукой, а затем, снова взяв свою сумку в одну руку, а в другую руку мягкую тёплую ладонь Анны Константиновны, продолжила путь.

«Всё будет хорошо, – подумалось Альке. – Мама всегда будет рядом. И еще у меня есть мои друзья, и они меня ждут».

5 января 2005 года, Пушино

Признательности

Представленный здесь рассказ Энди Кворри про Алину был впервые в 2005 году опубликован в детском интернет-журнале «Санька – Бешеный кролик!», издаваемом киевским журналистом Сергеем Тышковцом. Автор признаётся, что сам он так и не отважился бы на публикацию, если бы не получил внезапное одобрение от Василия Пригодича (литературный псевдоним Сергея Гречишкина), – которого автор и считает своим «крёстным отцом» в мир официальной литературы. Рассказ входит в сборники «Истории из жизни Алины Кораблёвой» (составитель: Энди Кворри) и «Однажды детство кончилось» (составитель: Таня Стар).

Представленные в этом издании иллюстрации изготовлены автором самостоятельно.

Другие книги Энди Кворри расположены:

- в магазине «ЛитРес» – <https://www.litres.ru/author/endi-kvorri/>;
- на страницах его личного сайта – <http://writer.andy-quarry.ru/>.

Авторский блог в Живом Журнале – <https://andy-quarry.livejournal.com/>.